

Елена ВОСКОБОЕВА

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ — ФЕЛЬЕТОНИСТ

Евгения Львовича Шварца знают как писателя, драматурга, поэта, киносценариста, публициста. Мало кто знаком с его сатирическими фельетонами, которые публиковались в газете «Всероссийская кочегарка» с 1923-го по 1925 год.

Весной 1923 года Шварц вместе со своим другом Михаилом Слонимским¹ приезжает к своему отцу, Льву Борисовичу, в гости. Шварц-старший в то время трудился хирургом в больнице соляного рудника им. Карла Либкнехта под Бахмутом². Именно здесь они знакомятся с поэтом Николаем Олейниковым, который работал в газете «Всероссийская кочегарка»: «В редакции газеты „Кочегарка“ за секретарским столом сидел молодой белокурый, чуть скуластый человек. Он выслушал мои объяснения молча, вежливо, солидно, только глаза его светились как-то загадочно»³. Дружба литераторов продлилась вплоть до 1930-х годов⁴.

Н. М. Олейников с 1923 года также занимается организацией литературно-художественного журнала «Забой», к созданию которого и привлекаются Слонимский со Шварцем: Слонимский на тот момент был членом литературной группы «Серапионовы братья» и активно печатался, Шварц безрезультатно привлекался К. И. Чуковским к литературной деятельности. В Бахмуте Евгений Львович назначается секретарем «Забоя» и начинает печататься под различными псевдонимами. Первый номер журнала выходит в сентябре 1923 года, сразу завоевывает внимание читателей и получает широкую известность за пределами Дона.

Елена Владимировна Воскобоева — кандидат филологических наук, литературовед, специалист в области литературы XX века. Автор ряда публикаций по истории русской литературы. Автор-составитель сборников «Евгений Шварц. Стихотворения» (СПб., 2016), «Евгений Шварц. Стихотворения. Раешники» (СПб., 2018).

¹ Михаил Слонимский был для Шварца одним из самых близких людей: «Миша Слонимский для меня — вне суда, вне определения, вне описания. Он был со мной в те трудные, то темные, то ослепительные времена, когда выбирался я из полного безобразия и грязи — к свету. Грязь и безобразие — это конец Театральной мастерской, неуспех Холодовой, что и я принял, и она заставила меня пережить хуже любого личного несчастья. Потребность веры — и полная пустота в душе. Полное отсутствие заработка. Полная неуверенность в себе. <...> Отсюда — знакомство и дружба со Слонимским и Лунцем, да и почти всеми „серапионовыми братьями“» [Е. Шварц. Телефонная книжка. М.: Искусство, 1997. С. 404–405].

² Бахмут — ныне город Артемовск (назывался Бахмут до 1924 года), город в Донецкой области Украины.

³ М. Слонимский. Книга воспоминаний. М.; Л., 1966. С. 179.

⁴ Уже по возвращении в Ленинград Слонимский предложил Шварцу работать с ним в журнале «Ленинград» (1924), а Шварц и Константин Федин были свидетелями на свадьбе Слонимского в 1924 году.

Одновременно с этим он публикуется в газете, и всего за три года во «Всероссийской кочегарке» (меняющей названия на «Кочегарку» с января 1924-го и на «Всесоюзную кочегарку» с января по июнь 1925 года) Шварц опубликовал 119 текстов (рассказов, статей и сатирических фельетонов) под псевдонимами *Щур*, *Дядя Сарай*, *Блоха*, *Домовой*, *Леший*, *Чертяка*. Принадлежность именно Шварцу авторства этих псевдонимов возможно установить благодаря воспоминаниям М. Л. Слонимского и Эстер Паперной, сотрудницы этой же газеты в 1920-х годах: «Он подписывался псевдонимом „Щур“. Среди значений этого слова есть и певчая птица, и домовая, и уж не знаю, какое из них привлекло Шварца — первое или второе. Может быть, оба вместе. Певчая птица пела хвалу, а домовая пугал и вытягивал „за ушко да на солнышко“, как тогда говорились, всяких нерадивых работников, рвачей и прочих такого рода. Помнится, что Шварц писал также под псевдонимом „Дед Сарай“»⁵. Возможно, последний псевдоним не прижился, поскольку словосочетание «Дядя Сарай» в разговорной речи означает разиню и невнимательного, несообразительного человека, который прикидывается простаком. Под этим псевдонимом Шварц опубликовал единственный фельетон «Раешник о терчастях. „Вот так и Советская республика...“» (в № 8 [1008] от 10 января 1924 г.).

119 текстов — это 114 фельетонов-раешников и 5 текстов, написанных не в форме раешника: рассказ «Богоматий», фельетон «„Жертвы“ интервенции» и заметка «Наводнение в Ленинграде (от нашего корреспондента)», подписанные псевдонимом *Щур*; заметки *Домового* «Чем дорожат?» и *Лешего* «Церковным советом села...».

Тематика сатирических фельетонов разнообразна — от острополитических до бытовых. Для них Е. Л. Шварц выбирает особую форму повествования — раешник. Как известно, это форма русского народного стиха со смежными рифмами (происходит от ст.-слав. — рай «небо, счастье»). Раешник сочинялся для народного кукольного театра, часто представляя собой импровизацию. Отметим также, что раешником он написал свою первую детскую сказку «Рассказ старой балалайки», которая была опубликована в 1924 году в журнале «Воробей» и напечатана отдельной книгой в 1925 году.

Любопытно соотношение текстов, написанных разными псевдонимами: большая часть написана *Лешим* — 61 текст (что составляет 53,5 % от общего количества текстов), *Щур* является автором 33 текстов (28,9 %), *Домовой* — 17 текстов (14,9 % соответственно). По одному тексту принадлежит перу («копыту») *Дяди Сарая*, *Блохи* и *Чертяки*.

Если соотнести количество и авторство раешников по годам, обнаружится интересная особенность: в 1923 году Е. Л. Шварц написал 27 фельетонов в период с сентября по декабрь (в среднем около семи фельетонов в месяц); в 1924-м — 21 «полет» (при этом не писал в феврале, в период с апреля по июнь и в октябре; таким образом, за семь «рабочих» месяцев было опубликовано в среднем по три заметки); наконец, в 1925 году было опубликовано 66 текстов (не было публикаций только в апреле; итого в среднем за месяц Шварц печатал шесть фельетонов).

Несмотря на то, что в 1924 году было создано меньше всего текстов и среднее месячное количество тоже минимальное, именно в это время Шварц больше всего играл с рассказчиками в своих фельетонах: в период с января по декабрь его тексты были подписаны пятью псевдонимами (при этом в 1923 году он использовал только один — *Щур*, а в 1925 году — три: *Домовой*, *Леший* и *Чертяка*). *Леший*, начиная с декабря 1924-го, постепенно вытесняет остальных и занимает устойчивую позицию вплоть до последней публикации фельетона в декабре 1925 года. Также Шварц одновременно использовал несколько псевдонимов: так, в августе 1924-го — *Щур* и *Блоха*, в декабре 1924-го —

⁵ Подробнее об этом см.: Мих. Слонимский. Вместе и рядом. Евгений Шварц // М. Слонимский. Книга воспоминаний. — М.; Л., 1966. — С. 182–183. Конечно, Шварц не использовал псевдоним «Дед Сарай»: в публикациях «Всероссийской кочегарки» за указанный период нет ни одной заметки или статьи, подписанных этим именем.

Домовой и Леший, в январе 1925-го к ним присоединяется *Чертяка*, а в феврале и июле 1925-го — опять *Домовой и Леший*.

Рассказчики фельетонов таким образом часто вступали в диалог, разыгрывая перед читателями целые спектакли. Они шутили друг над другом, иногда в весьма резкой форме. По манере рассказывания можно выявить явных антагонистов, например, Лешего как противника Домового:

Сидел я сегодня и думаю: «Ах ты, летает же Домовой по рудникам и шахтам, выводит все недостатки наружу, а мы что — людей всех хуже?» И стал я сразу таким веселым: «Дай, — думаю, — полечу по селам» («Прогулки лешего. „Сидел я сегодня и думаю...“» // «Кочегарка». № 287 [1287]. 14 декабря 1924 г.).

Или Чертяку — как противника Лешего и Домового:

И чего я в пекле жарюсь, глупец? Надоело слушать вопли грешные! Летают же по Донбассу лешие и домовые, даже в «Кочегарке» статьи печатают такие, что от смеха живот надорвешь. Читая их, черти в пекле поднимают такой галдеж, что ведьмы — и те уши затыкают. Вот я и смекаю: не полететь ли мне на село? («Полеты на село. „И чего я в пекле жарюсь, глупец?..“» // «Всесоюзная кочегарка». № 7 [1306]. 10 января 1925 г.).

Каждый из «авторов» обладал цельным характером, узнаваемым стилем. Публикации всегда сопровождалась иллюстрациями, изображающими того или иного персонажа. Из года в год один и тот же «автор» претерпевал некоторые изменения: так, у Домового постепенно появилось средство передвижения — метла, зато исчезла подзорная труба, а Леший отличался от Домового лишь отсутствием рожек на голове.

Так, например, Щуром описывается встреча с Домовым:

Дело было так... В прошлую субботу закончил я редакционную работу и пошел на чердак. Посмотрел — и прямо остолбенел. Сидит на полу домовый, довольно еще молодой, у одушины поближе к свету, и читает старую газету. Мы с ним разговорились и сразу подружились («Полет по Донбассу [Наш раешник]. „Дело было так...“» // «Всероссийская кочегарка». № 167 [913]. 16 сентября 1923 г.).

Так мы узнаем, что Домовой приносил Щуру новости, а тот их публиковал в газете, позже Домовой сам стал автором «Кочегарки».

Портрет каждого из рассказчиков фельетонов также складывается постепенно от заметки к заметке: о Домовом мы узнаем, что он «всесторонне развитой», «боевой», любит читать газеты, летает, имеет «всеведущие взоры» (на рисунке, сопровождающем публикацию, обычно изображался с подзорной трубой), носит теплый нагрудник, воспитывает ребеночка — «славненького поросеночка», работает по НОТу и имеет самолюбивый, гордый характер.

Щур также умеет летать, важной особенностью его текстов также является ориентированность на устную речь (например, красочные обращения к читателям: «братцы», «дети»), она имеет фольклорную основу (помимо раешника как формы текста, в фельетонах много ярких речевых оборотов, диалектизмов и народных фразеологизмов). По воспоминаниям И. Рахтанова, Шварц любил «традиционные образы, любил сюжеты, проверенные многовековым бытованием в фольклоре многих народов»⁶.

⁶ Подробнее об этом см.: И. Рахтанов. «Выходил „Еж“...» // Мы знали Евгения Шварца. — М.; Л.: Искусство, 1966. — С. 135–136.

Действительно, в фельетонах-раешниках много отсылок и аллюзий на фольклорные и классические сюжеты и образы. Например, упоминание названия народной песни в сатирическом контексте: «*Решил я ему дать не второй, а вторичный приз — за „Волгу-матушку“, что сыплется из окон сельбудов вниз*» («Прогулки лешего. „Завы лихие, или Призы вторые“» // «Всесоюзная кочегарка». № 29 [1328]. 6 февраля 1925 г.); использование народного выражения «Следует рубль — возьмет два» (впервые прозвучавшего в песне «На Арсенальной улице») для изобличения деятельности старост в селах: «Выдавая крестьянам справки, откладывает Дмитриев себе „на булавки“: следует рубль, возьмет два. Вот такая ловкая голова» («Прогулки лешего по селам. „Ох и тяжело у нас...“» // «Кочегарка». № 198 [1497]. 1 сентября 1925 г.).

Классическая литература также послужила источником для формирования многих шварцевских фельетонов. Домовой, рассказчик следующего фельетона, показал себя достойным знатоком современных ему модернистских течений, в частности футуризма, спрятав в своем тексте аллюзии на стихотворения В. В. Маяковского и В. Хлебникова:

Лечу это, спускаюсь, а зав кричит:

— Я, брат, тоже улыбаюсь! Нечего мне ваших заметок бояться, хоть убей! Желаю улыбаться — и никаких гвоздей!

— Улыбаться, говорю, ты улыбайся, а насчет заметок не особенно забывайся.

Знавал я смеюнчиков таких, кончали они на печа-а-а-альный стих!..

(«Полеты по Донбассу. „Смеюнчики улыбаются, а кое-кто припарочки дожидается“» // «Кочегарка». № 264 [1264]. 18 ноября 1924 г.).

Фельетоны, публиковавшиеся в Бахмуте (Артемовске) и рассказывающие преимущественно о событиях, происходящих в районе Донбасса и соседних с ним, давали представление об определенной территориальной части Союза, но вопросы, которые поднимались рассказчиками, были актуальны для всей страны. В целом эти заметки носили сатирический характер, изобличали вышестоящих лиц (старост, начальников и пр.), негативно оценивали их деятельность, направленную не столько на поддержку благополучия простого народа, сколько на обогащение и наполнение собственных карманов. В ряде случаев «летающие» авторы подмечали аналогии отношения к людям с крепостными нравами:

Сижу я и читаю книжку, вдруг заходит знакомый мальчишка.

«Здравствуй, брат домовой, что за книжка перед тобой?»

«Это, — говорю, — сынишка, любопытная книжка⁷. Тут пишут о том, как мужик кряхтел под кнутом, как пороли его на конюшне, чтобы делался он послушной. Было это, брат, лет шестьдесят назад. Было, и назад не вернется».

А парнишка слушает и смеется:

«Ты, — говорит, — брат домовой, полети-ка ко мне домой. Там у нас такие делишки — хоть приписывай к этой книжке. Там у нас сейчас скандал на весь Донбасс. Там...»

Не стал я ждать продолжения и полетел в Грушинское управление.

Вот из тумана встает рудоремонтный завод.

Прилетел я, поглядел, задрожал и побледнел.

⁷ «Любопытная книжка» — вероятно, отсылка к Манифесту Александра II об отмене крепостного права (19 февраля/3 марта 1861 года), со времени публикации которого к моменту создания фельетона (июль 1924 года) прошло около шестидесяти лет.

Ходит барин с кнутом и поглядывает кругом. Взгляд строг и дик, будто не барин, а бык. Голос жуткий — будто пес рычит из будки. И до того страшно орет, что упал я на живот и спрашиваю: «А который теперь год?»

А барин кричит, надрывается: «Всякий кучер забывается! Как выпорят тебя на конюшне — сразу станешь послушной».

Вылетел я из ворот: «Объясни мне, — кричу, — народ, кто это у вас такой, что порет народ честной?»

(«Полеты по Донбассу. „Сижу я и читаю книжку...“» // «Кочегарка». № 165 [1165]. 20 июля 1924 г.).

Сатирически изображалось и негативно оценивалось также состояние культурного мира: рассказчики, показывая себя отличными знатоками всех видов искусства, печалились, что мало снимают хорошего кино, что музыке обучают плохо, что обучение в школах сопровождается физическими наказаниями (хотя они были давно отменены), что в библиотеках не выдают книг и рабочие лишены возможности культурного обогащения.

Сегодня фельетоны Евгения Львовича Шварца — это не только сатирические заметки, но и богатый источник сведений о Союзе 1923–1925 годов: здесь много топонимов (которые сейчас либо переименованы, либо вовсе не существуют), отсылок и аналогий с историческими и литературными событиями и деятелями. Это также яркий словарь народных слов и выражений, дающих насыщенное представление о языковой культуре 1920-х годов.

Наконец, выступая публикатором этих заметок под разными псевдонимами, Е. Л. Шварц осуществлял единое творческое намерение: автор намеренно дистанцируется от происходящего, изображая все *чужим* (то есть названным другими именами — псевдонимами), но в то же время *своим* взглядом. Отсылка в печатном слове к культурному наследию и его носителям противопоставляет то, что было раньше (*прошлое*), и то, что происходит сейчас (*настоящее*). И чем больше автор понимает хаотичность и беспорядочность, алогичность и бессистемность происходящего в настоящем, тем чаще он обращается к образам и сюжетам прошлого:

Разливается гармошка,
Взмок от пляски дерзкий чуб.
«Веселись, душа — Матрешка,
Для того у нас и клуб!»
В уголочках шуры-муры.
Почитать чтоб, а ни-ни...
Да, такую вот культуру
Странно видеть в наши дни.

(«Тоже культурный уголок» //
«Кочегарка». № 284 [1583].
11 декабря 1925 г.)⁸

⁸ Все фельетоны опубликованы в книге: Евгений Львович Шварц. Стихотворения. Раешники: Сборник / Сост., автор вступ. ст. и ком. Воскобоева Е. В. — СПб.: ИД «Петрополис», 2018.